

О ВЕЛИКОМ МОЛЧАНИИ

Два письма на одну тему

Геннадий Прашкевич

Что там, за стеной смерти?

Дорогой Алексей!

Еще Энрико Ферми задавался нелегким вопросом: где они, эти внеземные цивилизации? Почему мы не наблюдаем следов разумной внеземной жизни, таких, к примеру, как автоматические зонды, управляемые космические корабли или радиопередачи? Теоретически вероятность существования внеземной жизни достаточно велика, но где ее представители или хотя бы их следы?

Ничего нигде. Космос молчит.

Вот оно — Великое молчание.

Но я о другом.

Я о декабре 2012 года.

Питер. Мокрый снег. Российская милиция окончательно преобразована в полицию. Девушки группы «Пусси-Райт» уже отплясали свой панк-молебен. Вступило в силу соглашение об упрощении визового режима между РФ и США. Началось строительство газопровода «Южный поток». Россия возглавила G20. Северная Корея объявила себя ядерной державой. Тысячи и тысячи событий — больших и малых. Но с кем ни заговори, все разговоры упираются в ожидаемый конец света, в (как писали тогда многочисленные самодельные специалисты) начало нового *бактуна* — эпохи Шестого Солнца в календаре майя.

Пресса сил не жалела: буквально все знали или слышали, что 21 декабря 2012 года по календарю майя (древней, давно не существующей цивилизации Центральной Америки) закончится цикл долгой эпохи Пятого Солнца.

На этой дате — 21 декабря 2012 года — календарь майя обрывался.

Вот вам и конец времен.

Приехали!

В гостинице «Карелия», где я жил, разговоры тоже шли о конце света.

Ну, как так? Жили-были, и вдруг! И с чего все так сразу? И почему конец света один для всех — и для азиатов, и для европейцев, и для африканцев, а не только для злосчастного народа майя? Своих хлопот нам не хватает? Из окна глянешь: справа —

болотистое поле, слева — долгострой. Значит, опять невинные дольщики пострадают? И вообще, с какой такой стати умирать сразу всем? Это только Роберт Шекли, замечательный фантаст, утверждал в свое время, что смерть — самый интересный момент жизни.

Я так не считал.

Большинство людей тоже так не считают.

Никто не хотел верить в близкий конец света, все волновались.

Освободить уже обжитую нами планету? Уйти всем? Куда? Что нас или наши души ожидает *там*? Имей мы об этом хоть какое-то понятие, настроение, несомненно, изменилось бы: точное знание успокаивает. К тому же, у каждого — свой взгляд на проблему. К примеру, Томас Алва Эдисон, знаменитый американский изобретатель, завещал в свое время похоронить его вместе с усовершенствованным им телефоном, то есть, настаивал на сохранении прямой связи со своей лабораторией, надеялся нам, остающимся, сообщить, наконец, что-то достоверное. Не считать же достоверными известиями *оттуда* — «Божественную комедию» или «Путешествие капитана Стормфилда на небеса».

В информации все нуждаются. Академик и бомж, чиновник и спортсмен, знаменитый киноактер и обычная домохозяйка — все хотят знать, что нас ждет *там*? Неважно, отправимся мы туда всем скопом или переберемся, как встарь, поодиночке, всем хочется знать: что *там*? Все хотят поговорить на эту тему если не со свидетелем, то хотя бы с хорошо информированным человеком. В конце концов, любая цивилизация — порождение здравого любопытства. вспомните Эдмунда Хиллари, покоровшего в паре с шерпом Тенцингом ледяной Эверест. «Зачем вы туда полезли? Зачем рисковали собственными жизнями?» Хиллари ответил: «Чтобы потом всем рассказать об увиденном!»

В фантастической повести «Пенсеры и пенсы» я описал (опять же, в свое время) знаменитую гимнастку, которая все последние годы своей долгой, но чрезвычайно активной старости провела в непрерывных путешествиях по местам упокоения самых разных людей. Она была убеждена в том, что Эдисон еще даст о себе знать, а мрачные слухи о пограничной реке Стикс окажутся слухами.

«Просто мы *пока* не имеем информации».

Знаменитая гимнастка всерьез мечтала вернуться *оттуда*.

Она тщательно готовилась к путешествию. Она была уверена в том, что непременно побывает *там*, и не только побывает, *авернется*. Ну, в самом деле, почему такая несправедливость? Почему за долгие миллионы лет никто из миллиардов *ушедших* туда людей не вернулся? Почему даже намек на такое нет? Откуда, почему это Великое молчание?

Молчание, о котором я говорю, действительно можно назвать Великим.

Оно сравнимо разве что с молчанием космоса. Но зачем, кем воздвигнута чудовищная стена молчания между нами и теми, кто ушел ранее, создав нас? Может, *там* все так хорошо, что ни у кого даже мысли не возникает о возвращении? Или *там* все так плохо, что о возвращении просто некогда и подумать? Упорная, не прерываемая никакими событиями работа научных титанов тоже вызывает у обывателей неясное подозрение: не потому ли эти титаны вкладывают в свою работу столько сил, что откуда-то уже что-то знают?

Любое молчание тревожит, Великое — ужасает.

Я не говорю о физическом возвращении, такого явно не будет. Но почему не подать хотя бы сигнал *оттуда*? Почти случайный, но внятный. Время от времени нас ведь покидают весьма строптивые души. Где хотя бы намек на грядущую *послежизнь*?

В декабре 2012 года я много размышлял об этом.

Ну ладно, конец света, размышлял я. Сам по себе конец света это еще никакое не чудо. Чудо — это прямая весть *оттуда*. Прогуливаясь, прислушиваясь к случайным

разговорах. Нет, конечно, никто не говорил напрямую о жрецах майя, но конец света... О нем не забывали... Неужели и мы уйдем? Неужели и мы замкнемся в этом Великом молчании? Неужели кто-то не допишет начатую им книгу, не доведет до ума научную работу, не завершит важное открытие? Неужели многие и многие не дождутся исполнения своей главной мечты?

Миллионы тревожных вопросов.

Конечно, конец света по TV не показывают, и не собираются этого делать, но о странном и трагичном грядущем (близко, близко, буквально через несколько дней) помнили все. И строили свои версии. «Может, календарь майя указывает не на конец света, может, календарь оборван случайно?» Или: «В принципе не может быть ничего такого». Или: «Куда же мы всем скопом отправимся? Нас ведь так много! Что встретит нас там — за стеной Великого молчания?»

В юности я коллекционировал политические карты мира.

С изумлением и интересом разглядывал большие шуршащие листы. Государства, раскрашенные в разные цвета, напоминали мир каких-то странных, чуть ли не живых пятен: одни исчезают, другие появляются. Вот ушли хетты, вот пришли скифы. Вот явились вандалы, вот рухнул великий Рим. Вот Исчезла Австро-Венгрия, зато крошечная Болгария получила выход к Средиземному морю. Я точно видел: история не мертва. История человечества — тем более.

Смысл жизни в экспансии, говорят одни.

Тебе повезло появиться на свет, ну так плодись неустанно, захватывай все новые и новые территории. А породил детей, поставил их на ноги, уходи со сцены. Считай, для тебя игра закончилась. Слишком быстро нас становится много, а планета на всех одна.

Грешные размышления, понимаю.

Но *предстоящее* беспокоит всех, всегда.

С первого часа рождения, да что там с первого часа, с первой секунды рождения мы уходим. Куда? Да в сторону все того же Вечного молчания, в сторону Кукушкиной реки, как говорили древние юкагиры. Эти северные народы знали толк в вечности. Одинокие, они кочевали в снегах под полярным сиянием — в холоде и в голоде, и прекрасно знали, что там, на Кукушкиной реке, все кончается. Там конец света. Все живые идут туда, а обратно — никто.

А почему? Может, Кукушкина река особенно богата рыбой? Может, зверя особенно много на ее берегах? Все неустанно стремятся в ту сторону, мало ли, что никто еще не возвращался. Я вернусь! Я самый сильный! Я самый умный. Я буду мерзнуть и голодать, но увижу, что находится *там!* И внимательно изучу *тот* мир своим острым охотничьим глазом. А потом радостно вернусь и обо всем расскажу граду и миру. И тревога оставит нас.

Задумано — сделано.

Смелый юкагир идет к далекой реке.

Этот охотник целый день идет. Один мидол пути проходит, два, пять, десять, много. Лето кончается, медленно летит снег. С первыми холодами охотник, наконец, начинает прозревать. Пусть медленно, но до него начинает доходить: Великое молчание — это именно Великое молчание. Оно не просто очень долгое, оно вечное. К тому же, выясняется, что совсем не обязательно рвать жилы, мучиться, страдать, подвергать себя превратностям первобытной жестокой жизни, потому что на Кукушкину реку рано или поздно все равно попадут все. Упал со скалы — вот ты и на Кукушкиной. Утонул в мелком болотистом озере, вот ты и на Кукушкиной. Растерзал тебя дикий зверь, вот ты и достиг места назначения. Ты можешь спать в уресе, можешь колотить на переправе олешков, распевать свои дикие песни — все это не имеет значения. Чем бы ты ни был занят, все равно рано или поздно попадешь на Кукушкину. Других вариантов не существует.

А вот вернуться...

Почему, почему, почему *возвращение* не заложено в нашу историю?

Ты родился, ты живешь, ты работаешь, занимаешься искусством, любишь или ненавидишь, но на самом деле — каждая минута твоей жизни всего лишь неуклонно приближает тебя к Кукушкиной. Больше никуда. Там на этой реке (как ее ни называй) сходятся пространство-время. И там обрывается связь со всеми другими, живущими на планете Земля.

Однажды мы с женой сидели на парапете каменной террасы в беспощадно выжженной солнцем Долине мертвых (Египет) и смотрели вниз — на зеленый Нил. Это не было концом света. Это не была Кукушкина река. Как не были для нас концом света Ганг и Енисей, Меконг и Волга, Миссисипи и Сена. Ни к чему тут перечислять великие реки, ведь даже и они все впадают в Кукушкину.

Но что там, за нею?

И разве это преступление — *знать*?

У меня нет на это ответа. Жизнь ничего мне не подсказала.

Детство мое прошло на берегах Енисея в небольшом сибирском селе. По-настоящему тогда меня потрясли только такие книги как «Из пушки на Луну». Ну, в самом деле. Вот погибшая собака выброшена из запущенного к Луне пушечного снаряда. Но собака эта не исчезла, не затерялась в пространстве, она тут, рядом, она стала чем-то вроде искусственного спутника (тогда говорили — сателлита), даже вышла на круговую орбиту вокруг снаряда... Ох, эти прекрасные зимние вечера у неяркой керосиновой лампы! — провинция, середина прошлого века. Мороз, тишина, на стеклах — ледяные узоры. Родители еще живы. Все друзья живы. Живы все будущие враги. Живы Ганди и Черчилль, живы те, кто покорил Эверест, живы академик Ландау, энтомолог Плавильщиков, геолог Щербаков. Никто еще не ушел на Кукушкину реку. И я еще жив и вовсе не думаю о Великом молчании, ни о чем таком даже представления не имею. Северные пространства, подсвеченные призрачными звездами, окружают меня. Я только еще начинаюсь. Но уже... спешу на Кукушкину.

«Подружки с планера подошли совсем близко, опять помахали мне узкими обезьяньими ладошками, и на меня дохнуло... старостью?... Нет, нет... Повиликой дохнуло, дикой смородиной, может, растоптанной земляникой. Подружки сами были, как нежная тундряная травка. Само их появление утверждало: мы в игре, игра еще не закончена.»

Это из моей повести «Пенсеры и пенсы».

Это из того, что сейчас уже далеко *за нами*.

Единоязычный народ строит Вавилонскую башню. Старик Ной с сыновьями снаряжает ковчег. Древние египтяне воздвигают пирамиды. Поколения за поколениями упорно идут в сторону Кукушкиной реки. Жан Пикар опускается в Марианскую впадину, но на самом деле движется в сторону Кукушкиной. Русские запускают первого человека на околоземную орбиту, американцы высаживаются на Луне — всё равно все идет туда, откуда ни разу не пришло никаких, даже самых невнятных сообщений. Рано или поздно над этим задумывается самый распоследний человек, которому, по выражению Достоевского, даже *пойти некуда*.

Что там, за стеной Великого молчания?

Кто расскажет?

Алексей Буров

О религиозном обновлении

Нельзя сказать, дорогой Геннадий Мартович, что мы с вами молчали о том, что вы сейчас называете Великим молчанием, но вы правы: тема далеко не исчерпана, и я рад к ней вернуться.

«Все равно все идут туда, откуда ни разу не пришло никаких, даже пусть самых невнятных сообщений».

А точно ли оно так?

Ряд сугубо рациональных, неслабого ума людей не согласился бы с таким решительным утверждением. Категорически не согласился бы знаменитый биолог Альфред Уоллес, соавтор Чарльза Дарвина по теории естественного отбора, отважный путешественник, проницательный наблюдатель природы, основоположник зоогеографии. Усвоив с юности дух английского эмпиризма и научного скепсиса, Уоллес подошел к вопросу о возможности связи с духами умерших с максимально возможной строгостью. Участвуя в спиритических сеансах, он прилагал все усилия, чтобы исключить обман и иллюзии. После десятилетий активных исследований он пришел к выводу о действительности этой связи, подробно описав наблюдения и размышления в нескольких своих книгах. Ну а чтобы не складывалось ошибочное впечатление особого чудачества Уоллеса, приведу ряд имен твердых сторонников спиритизма из разряда высокого научного истеблишмента. Назову ученого-универсала, теолога и медиума (духовидца) Эммануила Сведенборга, астронома Камиля Фламариона, физиков и изобретателей сэра Уильяма Крукса и сэра Оливера Лоджа, кембриджского филолога и поэта Фредерика Майерса, автора Шерлока Холмса, врача по образованию, сэра Артура Конан Дойля, выдающегося химика Александра Михайловича Бутлерова. Эти умнейшие, в высшей степени и разносторонне образованные, не страдающие легковерием люди посвятили многие годы исследованиям парапсихологии и экстрасенсорики вообще и проблеме контактов с душами умерших в частности, написали серьезные книги, суммирующие их исследования. Книга Конан Дойля «История спиритизма» (1926) являлась, на мой взгляд, неплохим популярным обзором темы на момент своего выхода; она переведена на русский и доступна в Сети. Весьма любопытны бутлеровские «Статьи по медиумизму», изданные после смерти автора, в 1889 году. Также посмертно изданная книга Майерса «Личность и ее жизнь после смерти тела» (1903) получила высокий отзыв выдающегося психолога Уильяма Джеймса, ее очень ценил глубокий писатель и философ Олдос Хаксли, давший предисловие к ее изданию 1961 года. В реальности тех или иных элементов экстрасенсорики были убеждены знаменитый психолог Карл Густав Юнг и его близкий многолетний друг, один из отцов-зачинателей квантовой физики Вольфганг Паули. На всякий случай отмечу, что почти никто из перечисленных замечательных людей не был религиозен к началу своих спиритических исследований и видений; только Сведенборг, кажется, составляет исключение.

Разумеется, не было недостатка и в критиках.

Пожалуй, сильнейшей фигурой среди отрицавших общение с духами был выдающийся иллюзионист-эскейпист Эрих Вейс, известный как Гарри Гудини, знавший

Буров Алексей Владимирович — физик, философ. Родился в 1956 году в Новосибирске. Кандидат физико-математических наук, научный сотрудник Национальной ускорительной лаборатории им.Ферми, США.

лучше кого-либо, как дурачить публику, хотя бы и ученую. Критики указывали либо на факты обмана и фокусничества со стороны медиумов в тех или иных случаях, либо на недостаточную чистоту спиритических опытов, не исключавших обмана, либо на случайность совпадений, либо на то, что такого попросту не может быть. Хотя установленных фактов обмана было, действительно, немало, но мне трудно предположить, что вся громадная масса наблюдавшихся контактов с духами есть беспримесное надувательство со стороны ловких фокусников, обман или самообман. Могу это допустить, но с трудом, отнюдь не как само собой разумеющееся: ведь ученые спириты были тоже не лыком шиты и ставили медиумам свои жесткие условия прозрачности сеанса. В то же время я понимаю тех людей, что отвергают связь с духами как нечто априори невозможное; у меня самого есть такой предрассудок невозможности, остающийся, несмотря на уважение к перечисленным исследователям и даже на то, что имеется у меня прямой личный опыт телепатической связи, о котором, пожалуй, стоит рассказать.

С недавно покинувшим этот мир Славой Даниловым мы подружились в середине 90-х годов, когда оба работали в новосибирском Институте ядерной физики. Слава уехал в Штаты за год до меня, получив приглашение от Национальной лаборатории им. Ферми. Когда метельной ночью 19 ноября 1997 года такси подвезло меня с детьми из чикагского аэропорта О'Хара в тот же Фермилаб, нас встретили добрейшие Слава и Катя, его жена. И дальше, когда мне нужен был совет по вписыванию в американскую жизнь, я первым делом всегда обращался к Славе и обязательно получал от него дельный ответ, а нередко и конкретную помощь. Он учил меня водить машину, он же помог мне быстро, независимо от лаборатории и без адвоката оформить зеленую карту, американский вид на жительство. Наша дружба подкреплялась и научными исследованиями: мы опубликовали несколько совместных журнальных статей, которыми я потихоньку горжусь: Слава был исключительно сильным физиком. В начале нулевых годов он перебрался из Фермилаба в Ок-Ридж, штат Теннесси, другую национальную лабораторию. Его привлекла туда не только весьма интересная работа по созданию нового ускорительного комплекса, но и особая природа Дымчатых гор, Smoky Mountains, южной оконечности Аппалачей. Вылазки в горы с семьей, с друзьями, а нередко и в одиночку сразу же стали одним из любимых его занятий. Когда я приезжал к ним в Ок-Ридж, по работе или так, один из дней мы обязательно проводили в долгой горной прогулке, любуясь покрывающим горы лесом, выступами скал, быстрыми ручьями, открывающимися панорамами и обсуждая все на свете — физику, историю, философию, религию, прозу, поэзию, музыку... Когда Слава, Катя и их замечательные дети Маша и Кирилл решили всей семьей принять крещение в американской православной церкви Ок-Риджа, они оказали мне особую честь, пригласив быть крестным отцом...

Такова первая половина истории.

Поскольку в центре второй половины лежит некий сон, предварю ее общим замечанием: просыпаясь, я крайне редко помню, снилось ли мне что-нибудь. А если и помню нечто, то настолько смутно, что ничего вразумительного сказать о том не могу. За последние лет двадцать я, кажется, лишь однажды видел сон со своими друзьями. Мне снилось, что Слава проиграл в карты немислимую сумму, триста тысяч долларов. До сих пор помню ужас того сна: деньги надо было отдавать немедленно и без вопросов, а взять нечто подобное было абсолютно нигде. Самого Славу я не видел, но и по прошествии уже многих лет отчетливо помню, как мы стояли вместе с Катей перед их большим домом в Ок-Ридже, в ужасе понимая, что его надо будет продать, жить им будет нигде, а денег все равно и близко не хватит до требуемой суммы. Обреченный дом угловато возвышался над нами. В реальности он был светло-серым, весело выглядывающим из окружения деревьев и кустов, а во сне я видел его темно-зеленым, вдруг заслонившим небо...

Я проснулся, к счастью, у себя дома, в Нейпервилле, посреди глухой ночи. Сообразив, что это был лишь сон, переведа дух, я несколько раз помолился за Славу и Катю и заснул до утра. А через сколько-то дней получил электронное письмо от Славы, где в поле текста находился какой-то линк. Кликаю и попадаю на передовицу городской газеты Ок-Риджа: «Такие люди построят ускоритель», и фото Славы в полный рост с обветренным лицом, в шортах и ветровке, на фоне чего-то горного; дело было в октябре. Из статьи узнаю, что Слава, отправившись в одиночную, на несколько часов, прогулку по горам, крепко заблудился и трое суток выбирался напролом через глухой горный лес. Его уже объявили в поиск, но он вышел сам. Позже Слава рассказывал подробности этого приключения: жизнь его не раз повисала на волоске. И вот в одну из тех ночей, когда он, в той самой ветровке и шортах, спал прямо в траве, я и видел свой сон.

Одно из двух: либо каким-то загадочным образом мне передалось тогда состояние Славы, либо это совпадение — чистая случайность. Как хотите, дорогой друг, но последний вариант я принять никак не могу. А коли так, я должен пойти против своего и общего предрассудка и признать реальность телепатии, действующей, как минимум через сотни миль. Слово «телепатия», кстати, было введено упоминавшимся уже Майерсом. Тут уместно вспомнить еще одно подходящее слово, введенное Юнгом и поддержанное Паули, «синхроничность», относящееся к странным осмысленным совпадениям психического и физического там, где их нет никаких оснований ожидать. Разумеется, телепатическая связь между живыми людьми — это не связь через Кукушкину реку. Показывая, однако же, возможности осмысленных восприятий за пределами физических ограничений, факт телепатии снижает недоверие и к общению между этим светом и тем.

Хорошо, предположим, что некоторые наблюдавшиеся спиритами контакты с тем светом были подлинными. Но были ли какие-то конкретные сообщения о том, как протекает жизнь там? Если попытаться просуммировать подобные сообщения, выделив из них общее сущностное ядро, то я бы сказал, что оно состоит в продолжающейся духовной эволюции в посмертии. Там много миров, как возмездия-искупления, так и восхождения. В отличие, однако, от запечатленных Данте, принятых средневековым статических представлений о положении душ в тех мирах, спириты получают и возвещают эволюционные представления, вроде тех, что профессор Майер передавал коллегам-спиритам уже с того света. Наследуя в следующем мире то общее состояние ума и совести, что было достигнуто в этом, способности, характер и вкусы (карму), душа получает новые возможности для очищения, преодоления и восхождения, как и новые возможности для падений, имея иногда и возможность возврата в наш мир ради помощи живущим или ради отработки невыученных уроков. На самом вершине иерархии миров душу ждет невыразимое слияние с Богом, до чего доходят лишь очень немногие. Свободная воля, кармический принцип, иерархия миров и возможность эволюции, как индивидуальной, так и общечеловеческой — вот основные постулаты вечной жизни, как их видели спириты. Независимо от того, возможно общение с тем светом или нет, эти постулаты мне представляются настолько обязательными, что я не вижу им никакой разумной альтернативы, что поясню чуть ниже.

Тут возникает вопрос: если весть о жизни души после ухода из этого мира столь важна, как были убеждены спириты, то почему же Создатель сокрыл от нас это обстоятельство, не сделал его очевидным или легко усматриваемым?

Выдающийся философ прошлого века Анри Бергсон, тоже спирит, видел ответ в том, что сколько-нибудь заметный контакт с потусторонним миром отвлекал бы людей от трудных насущных задач жизни, от нашего *здесь и сейчас*, оказываясь в итоге несовместимым с хоть каким-то материальным прогрессом, а то и элементарным выживанием.

К этому могу добавить, что человечество окружают, всегда волнуя его, многие

загадки и тайны, как космоса, так и самого человека. Это беспокойное удивление исключительно важно, оно есть великий мотив свободного духовного роста, который, собственно, и составляет основу замысла Бога о человеке.

Человек есть тот, кто не только способен удивляться Творением, но и удивить в ответ самого Творца.

С этой точки зрения можно взглянуть на так называемый *парадокс Ферми* — факт молчащего космоса. Прежде всего, замечу, что тут есть загадка или даже тайна братьев по разуму, но — никакого парадокса. Даже если Ферми и делал какие-то оценки вероятности жизни во вселенной, они могли отталкиваться лишь от чистых фантазий, что он и сам не мог не понимать: иначе появилась бы соответствующая публикация. Есть еще некая формула Дрейка, где параметры для оценки указанной вероятности откровенно берутся с потолка. Да и как оно могло быть иначе, если тайна возникновения жизни стоит перед человечеством в той же неприступности, как и тысячи лет назад? Я думаю, что с тайной эволюции дело обстоит еще даже темнее, чем с тайной жизни: в последнем случае, по крайней мере, есть общепринятое признание факта абсолютного научного непонимания, а вот в первом господствует наивное заблуждение якобы научного объяснения естественным отбором. К слову сказать, упоминавшийся выше Уоллес практически сразу по выдвижении теории происхождения видов путем естественного отбора понял, что она вопиюще противоречит ряду базовых фактов о человеке, и сразу стал ее с этой стороны активно критиковать, к ужасу Дарвина, пытавшегося соавтора отговаривать, но серьезных возражений не находившего; нет таковых и до сих пор. На мой взгляд, Уоллес был совершенно прав, его аргументы неопровержимы. Ошибался он лишь в одном — полагая, что вся прочая эволюция могла бы объясняться естественным отбором. Думаю, если бы этот смелый, чуждый идеологическому доктринерству исследователь мог взглянуть на фантастическую самосогласованную сложность внутриклеточной жизни (что только сейчас становится возможным), он отказался бы от теории происхождения видов, как от наивной сциентистской чепухи. Так что, повторюсь, так называемый *парадокс Ферми* — это никакой не парадокс, а загадка или тайна.

Вернемся, однако, к спиритам.

Лидерами этого движения были ученые рационалисты, в юном возрасте утратившие веру в Бога, ужаснувшиеся разверзшемуся перед ними безумному материализму и нигилизму, и попытавшиеся спасти религию в модифицированном рационалистическом варианте через научное доказательство бессмертия души. Хотя некоторые из них и согласились с неопровержимостью свидетельств и фактов такого рода, но другие члены того же сообщества, как и многие мыслящие люди вообще, подобные доказательства не приняли, оставшись на позициях агностицизма или материализма. Появление все новых доказательств сопровождалось все новыми опровержениями и выражениями недоверия, так что ситуация заходила в некое стационарное состояние, где новые сеансы и спиритические опыты уже ничего, по сути, не добавляли. Видимо, именно поэтому спиритическое движение и ушло в тень общественного внимания, потеряло былую остроту интереса. Пока эта попытка рационалистической религиозной революции не реализовалась — на сегодня, во всяком случае.

Ставя интереснейшую и важнейшую задачу исследования того, что традиционно рассматривается как область религии, спириты сфокусировались исключительно на психическом, упустив при этом физическое (к Паули и его другу Юнгу это не относится). Сильнейшим аргументом сотворенности мира высшим разумом является то, что вообще-то лежит прямо под самым нашим научным носом: откровенно подобранный характер физических законов. Время от времени я возвращаюсь к этой теме в нашей переписке, поэтому лишь напомню, о чем речь. С одной стороны, фундаментальные законы физики достаточно просты, математически элегантны, разнообразно симметричны, чтобы в принципе допускать свое открытие. Выражайся,

к примеру, законы небесной механики значительно более развесистыми формулами, чем те, что известны нам со школы, они никогда не были бы открыты ни Ньютоном, ни кем-либо еще. Важно также, что ньютоновы формулы, будучи до смешного простыми, обладают при этом и столь высокой степенью точности, и столь громадным размахом масштабов применимости, что иначе как объективно, хоть и ограниченно, истинными их признать нельзя. С другой же стороны, математически простые физические законы содержат такое богатство решений, что ими открывается возможность жизни, вплоть до ее высших форм, вплоть до человека. Таким образом, физические законы удовлетворяют двум противоположно направленным принципам: простоты (познаваемость) и сложности (жизненность и антропность). Будь законы заметно сложнее, они не были бы познаваемы. Будь они проще, они не были бы жизненны. Столь специальный характер физических законов не оставляет никакой иной возможности своего объяснения, кроме отсылки к сверхразумному Создателю. Ну а дальше все и получается, как у спиритов. Действительно, странно было бы полагать, что Создатель заложил познаваемость законов при безразличии к тем, кто их будет познавать. В конце концов, природа, даже живая, лишь следует тому, чему положено; ей нечем удивить Создателя. Особого смысла творить ее и не видно, коли она полностью предвидима для Творца. Лишь человек, повторюсь, и подобные ему существа могут удивить Бога, могут оказаться Его младшими соавторами, любящими Его и друг друга, реализовать в себе потенциал Его детей.

Ну а ради растущих и удивляющих, радующих, хотя и с неизбежностью огорчающих, детей стоит создать Вселенную и пойти на многие хлопоты. Вывод о будущей жизни здесь возникает с логической необходимостью. Нелепо было бы ограничивать рост души краткой продолжительностью жизни в этом мире, лишая дальнейшего развития к тому способных, лишая мироздание более великих душ. Нелепо было бы лишать возможности очищения от зла и преодоления его за границами этой жизни. Любовь к детям требует именно этого. Вопреки распространенному предрассудку, страдания не противоречат подобным заключениям. Для свободных существ, развитие без страданий не было бы возможным; не будь боли, такие существа навек оставались бы в блаженном сне младенчества, а скорее даже и погибали бы, едва появившись. Крест страданий есть не только условие жизни, но и возможного роста.

В осознании подобных выводов и будет, судя по всему, состоять постепенно зарождающаяся всемирная творческая религиозная революция, дорогой Геннадий Мартович. Ее обоснованию посвящена, в частности, последняя книга Бергсона «Два источника морали и религии». Первым таким источником, по мысли философа, является требование сохранения форм коллективной жизни, подчинение ему индивидуальных эгоизмов. Это архаичный, подавляющий индивидуальные свободы, консерватизм, ставящий на высшую ступень следование традиционным нормам, это дух Великого инквизитора легенды Ивана Карамазова. Вторым же, новым и постепенно усиливающимся, источником морали и религии является, по Бергсону, *дух творчества*, коренящийся в высших дерзновениях свободной личности. В карамазовской легенде он воплощен в пленнике Инквизитора — вновь пришедшем на землю, возвещающем свободу Христе.

В целом, как писали духовные лидеры спиритизма, грядущая религиозная революция не направлена ни против одной из великих религиозных традиций, где так или иначе присутствуют идеи Всеблагое Начала мироздания и сущностного богоподобия человека, его божественных потенций. Не отменяя ни одно из великих учений, она будет обновлять их, перенося религиозный смысл жизни с послушания на творчество.